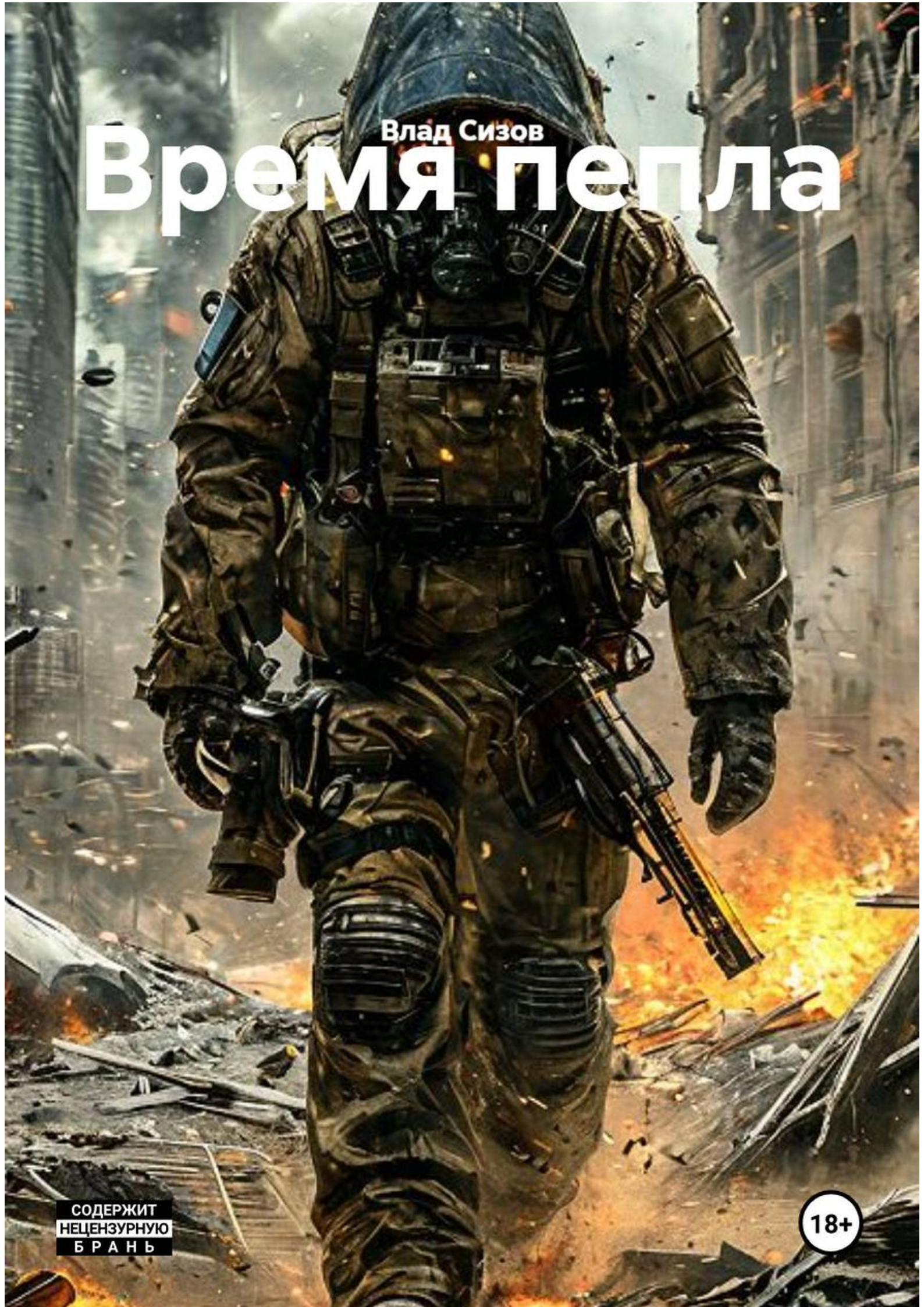

Влад Сизов

Время пепла

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Влад Сизов

Время пепла

«Автор»

2026

Сизов В.

Время пепла / В. Сизов — «Автор», 2026

Жизнь Сани Доброхода разрушилась буквально за минуту. Пепел, радиоактивные осадки, хаос - все что осталось от цивилизации. Чтобы выжить ему придется стать другим.

© Сизов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Влад Сизов

Время пепла

Глава 1

Пролог

-Будьте добры, подсветите экранчик телефона-, сказав эту опостылевшую дежурную фразу инспектор Службы Транспортной Безопасности (СТБ) Александр Дмитриевич Доброходов, вежливо улыбнулся. Багаж пассажира метро Комсомольская-2 в виде рюкзака и сумки медленно вышел после проверки обратно по лентопротяжному механизму из лучевого досмотрового устройства. Ну, а вдруг какой-нибудь злодей-шахид, обязательно хорошо выбритый (так было написано в древней памятке по выявлению лиц, которые стремятся сделать акт незаконного вмешательства или еще хуже-теракт) и с книгой на арабском(куда ж без нее) попытается пронести в муляже сотового телефона или ноутбука взрывчатку.

Хотя, все было куда прозаичнее: сотрудники ФСБ и службы безопасности метрополитена и прочих надзорных органов постоянно проносили тест-предметы, которые и нужно было выявлять сотрудникам СТБ, а за не выявление были разные карательные меры со стороны руководства, хотя в основном, лишение премии. На учебе на Горьковской преподаватель назвал сотрудников СТБ "манекенами". Саша и сам считал, это псевдоработой, имитацией деятельности, поначалу его это раздражало,но постепенно он привык. В общем, это приходилось говорить постоянно, несмотря на раздражение пассажиров. Такая уж это была нудная, однообразная работа, полная приказов и инструкций. Спасали его только чувство юмора и обаяние, которых у него было в избытке.

А у него этого добра столько, что на весь участок хватит, да что участок, на весь метрополитен. Пассажир- мужчина лет тридцати, раздраженно взял из лотка смартфон, включил экран, буркнув фразу «толку-то от Вашей работы». На что Саша ответил также стандартной фразой-»Хорошего Вам дня!». В общем, каждый сыграл свою роль. К такой реакции Доброходов привык и не обращал особого внимания.

-Так, Доброход, у тебя сейчас обход-, сказал инспектор Сергей Васильевич Артеменко, шестидесятитрехлетний бывший прапорщик вооруженных сил России.

-Блин, Василич, ты уже заработался, стихами стал шпарить, -и Саня весело расхохотался. Артеменко сотрудники СТБ седьмого участка не особо жаловали за его тяжелый характер и редкостное занудство, старались не попадать с ним в одну смену. Саня его постоянно троллил и это выводило Артеменко из себя. Вот и сейчас, Артеменко покраснел и выкатил глаза и выдал из себя-

-Ты, энто, давай мне..

Саша, тут же не дав тому договорить, выдал.

-Не могу,Василич, дать что ты хочешь, я ж не из этих.

-Каких- таких энтих ?— косноязычно, с угрозой в голосе спросил Артеменко.

-Ну, не из тех, что любят ходить на свои нетрадиционные парады. Ничем тебе, помочь тут не могу.Не сложилась у нас с тобой любовь.

-А,ну да, ты ж энто-метросексуал, -выдал Артеменко с довольным видом.

-Ну, это так,Василич, за восемь лет-то, конечно, главное, что не метроиимпотент, а ты, я смотрю метропоэт-глядишь и победил бы в номинации, если метро бы такое проводила, а всё благодаря мне- образываю и воспитываю тут тебя, культурным человеком пытаюсь сделать! Прививаю тебе любовь к поэзии, хотя, тебе устав роднее.

Саня был любитель поэзии, хорошей литературы, любил иногда цитировать из своего любимого «Про Федота-Стрельца» Леонида Филатова.

Артеменко, хоть и был человеком старой закалки, привыкший к прямолинейности и субординации, в глубине души, кажется, даже наслаждался этими сложными словесными дуэлями. В его глазах, обычно суровых и недовольных, мелькал какой-то странный блеск, когда он пытался уличить Сашу в чем-то, а тот, в свою очередь, ловко уворачивался, переплетая реальность с вымыслом, а инструкции с цитатами. Это было их своеобразное противостояние, их ритуал, который, возможно, делал эту монотонную службу хоть сколько-нибудь терпимой.

– Мне б огреть тебя плетью, четырьмя или пятью, чтобы ты не изгалялся над сурьезными людьми», – выдал Артеменко цитату из Филатова, которую Саша ему недавно цитировал.

– Ну, вот сам видишь, помогаю тебе тянуться к прекрасному, а ты все гундишь, – улыбнулся Саша.

– Тебе бы все зубы скалить, Санек, а здесь серьезная организация, а не конюшня, где можно поржать. Бери рацию в зубы и дуй давай, – сказал Сергей Васильевич. Артеменко, окончательно сбитый с толку и разъяренный, лишь что-то нечленораздельно пробормотал, махнул рукой и, развернувшись, пошел прочь, тяжело ступая по грязному гранитному полу встал на проходе у пункта досмотра и всем видом показывая, что более разговаривать не намерен. Александр проводил его взглядом, усмехнулся и покачал головой. Доброход как его называли коллеги, не мог отказать себе в удовольствии немного разрядить обстановку, пусть даже за счет чужого раздражения. Это было его маленькое бунтарство против серой рутины, против бессмысленных инструкций и постоянного ощущения, что он – лишь винтик в огромном, неповоротливом механизме.

Саня, вздохнул: за восемь лет работы он обошел тысячи километров по подуличным переходам, вестибюлям метро Гражданский проспект, Комсомольская-1, Комсомольская-2, по технологическому сектору и тоннелям. Станция метро Комсомольская — это не просто остановка, а целый транспортный узел, где метро и железная дорога встречаются под одной крышей. Она наземная, что уже само по себе необычно для Петербургского метрополитена (хотя она располагалась в Ленинградской области в Мурино), и при этом полностью закрытая, так что непогода вам не страшна.

Внутри Комсомольской довольно просторно: три платформы, но для пассажиров доступны только две боковые. Средняя, как это часто бывает, служебная. Главная фишка станции в том, что эти боковые платформы плавно переходят в железнодорожную станцию «Девяткино». Вышел из метро – и ты уже на электричке, очень удобно для тех, кто едет дальше в область.

Что касается оформления, то здесь всё довольно скромно, без излишеств. Станция выглядит очень функционально. Свод над платформами сделан из сборных железобетонных элементов и поддерживается редкими, но крепкими опорами. На полу – светлая, почти жёлтая декоративная плитка, которая добавляет немного тепла в это строгое пространство. В целом, «Комсомольская» – это пример того, как практичность и удобство могут быть главными приоритетами в архитектуре.

– Да, иду, иду, я ж и так осознаю глубины наших глубин, напоследок подколот он Артеменко знанием армейского юмора, надо же кому-то подвиги совершать, – ответил Доброходов.

Он знал, что Артеменко, со своей прямолинейностью и нетерпимостью к любым проявлениям легкомыслия, никогда не поймет его. Для Артеменко все было черно-белым, без полутонов. А Саша видел мир во всей его сложности и многогранности. Он понимал, что иногда нужно немного юмора, чтобы разрядить обстановку, чтобы сделать жизнь чуточку легче. И если его шутки вызвали раздражение у кого-то вроде Артеменко, то это было лишь подтверждением того, что он делает что-то не так, как все. А это, в свою очередь, было для него своего рода достижением.

Он поправил форменную рубашку, положил рацию в карман куртки и двинулся в сторону турникетов, начиная свой обход. Шаги его были легкими, несмотря на усталость, накопившуюся за восемь лет. Он знал каждый уголок этого участка, каждую трещинку в плитке, каждый блик света на отполированных миллионами тел преграждающих планок турникетов. Десятки лиц проносились мимо него каждый день – спешащие, задумчивые, уставшие, радостные и злые. И каждый из них был частью этого огромного, бурлящего потока, который он должен был, по идее, оберегать.

Его работа была не просто обходом территории, а своего рода погружением в ритм города, который никогда не спал. Он видел, как меняются времена года, отражаясь в настроении пассажиров, как сменяются моды и лица, но неизменным оставалось одно – вечное движение. Саша Доброходов, или просто Саня, как его звали коллеги, чувствовал себя частью этого движения, но в то же время стоял немного в стороне, наблюдая, анализируя. Он видел в каждом человеке маленькую историю, которую можно было бы развернуть, но его роль заключалась в другом – в обеспечении порядка, в создании той невидимой грани, которая отделяла хаос от организованной жизни.

Он вспоминал, как впервые попал на Комсомольскую. Тогда станция казалась ему огромным, шумным лабиринтом, полным загадок. Но с годами он изучил ее вдоль и поперек, как свои пять пальцев. Он знал, где лучше слышно эхо, где сквозняк сильнее, где плитка немного шатается. Эти детали, незаметные для обычного пассажира, для него были частью его мира, его рабочего пространства. Он видел, как менялась станция, как обновлялись вывески, как появлялись новые технологии, но суть оставалась прежней – место встречи, место прощания, место начала пути. И хотя его работа не была героической в общепринятом смысле, он чувствовал, что выполняет важную миссию. Он был тем, кто обеспечивает безопасность, кто следит за порядком, кто позволяет этому огромному механизму работать без сбоев.

Внезапно его осенила мысль: как же он вообще здесь оказался? Работа на складе финского ритейлера не сулила никаких особых перспектив. Однажды в вагоне метро увидел объявление о наборе в СТБ. Зарплата, стабильность, форма – все это казалось тогда привлекательным. Но реальность оказалась иной: бесконечные дневные и ночные смены, монотонные фразы, непростые коллеги – всё это высасывало из него душу. Однако что-то его здесь удерживало. Возможно, привычка. Или то самое чувство юмора, которое помогало не сойти с ума. А может, он просто не знал, куда еще податься.

Он прошел мимо киоска с газетами, где пожилая продавщица уже привычно кивнула ему. Мимо группы студентов, громко обсуждающих предстоящий экзамен. Мимо молодой пары, держащейся за руки. И каждый раз, когда его взгляд падал на кого-то из них, он невольно задумывался: а что, если? Что, если однажды действительно появится тот самый злодей, небритый или выбритый, с книгой или без, и его муляж телефона окажется не муляжом? Что, если его "псевдоработа" вдруг станет настоящей? Эта мысль всегда вызывала легкий холодок, но быстро отступала, уступая место привычному скепсису.

Он поднялся по лестнице, ведущей к выходу в сторону Центрального Мурино, откуда открывался вид на Привокзальную площадь. Город жил своей жизнью, равнодушный к его маленьким битвам с Василичем и к его внутренним размышлениям. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в приятные, теплые тона. Красиво. И в этот момент, глядя на суету внизу, Александр Дмитриевич Доброходов, инспектор Службы Транспортной Безопасности, почувствовал странное умиротворение. Да, его работа была нудной и однообразной, но она была его. И он, со своим чувством юмора и обаянием, справлялся с ней так, как умел. А это, пожалуй, было главное.

Сегодня у Александра день начался с отличного настроения. И хорошее настроение продлилось почти до конца смены. Это была вторая дневная смена, а уже завтра, 4 апреля 2031 года, его ждут друзья и долгожданное пиво. Жизнь текла ровно, предсказуемо и без потрясе-

ний. Александру было тридцать, и он был внушительной комплекции – метр восемьдесят пять, как он любил шутить, чтобы добро было видно издалека. Вес тоже соответствовал – под центнер, ведь, по его же словам, добро должно выглядеть солидно, и даже небольшой пивной живот лишь добавлял брутальности его облику. Круглое лицо, бритая голова, крупный нос – всё это венчала неизменная улыбка. Типичный весельчак-экстраверт.

По образованию Александр был менеджером-экономистом, но по специальности никогда, как большинство граждан страны не работал. До того, как попасть в метро, он около года проработал на складе. Склад, где он работал закрылся из-за введения санкций и в 2023 году Саша устроился транспортной безопасностью Петербургского метрополитена. Прошел обучение и аттестацию по 5 и 6 категориям. Работа не то чтобы вызывала восторг, но стабильность государственного предприятия, премии, подработки и дополнительный отпуск его вполне устраивали. Карьерный рост его не прельщал – стать старшим инспектором, конечно, мог, но лишняя ответственность ему была ни к чему. У него не было кредитов и ипотеки. Была своя однокомнатная квартира в Красногвардейском районе Петербурга, а в Ленинградской области – дача с озером для рыбалки и лесом для грибных походов. Армейский юмор он знал, но лишь в теории – в армии не служил по состоянию здоровья. "Не научили правильно Родину любить, вот и мучаюсь всю жизнь", – шутил он.

Доброходов вышел из подземного перехода на Привокзальную площадь Мурино, купил в павильоне кофе и два шоколадных батончика, затем через переход направился на платформу первого пути – или, как шутили девушки из службы движения, "на панель". Идя по платформе, он, как положено по инструкции, осматривал пространство за банкоматами и у торгового павильона, где иногда брал воду, на предмет бесхозных предметов. Бесконечные потоки пассажиров, привычные запахи машинной смазки, шпал, поездов, гул голосов и шум прибывающих составов – всё это создавало привычную атмосферу. Часы на платформе показывали 17:41.

Он прошел мимо небольшого помещения, где сидели девочки службы движения. Они были в такой же форме, только на голове у них были красные пилотки. Их так и называли – красные шапочки. Он прошел мимо Ани, симпатичной блондинки, которая работала в этой службе второй год, кивнул ей, он также кивнула ему в ответ и пошла проверять вагоны, после того как вышли все пассажиры. Его коллега – Владимир Терехин, которого постоянно ставили в Комсомольская-1 на вагоны как-то говорил, что Аня к нему равнодушна, но как считал Доброходов, она слишком молода для него – ей всего 19 лет. О своей личной жизни Саня на работе не распространялся, никто и не знал, что у него есть девушка Юля.

Ей 29 лет, она приехала в Питер из Саратова и работает в гостинице официанткой на Садовой. Саня был там в ресторане с друзьями, Юля обслуживала их столик. Они обменялись телефонами и последние полгода что называется «строили любовь». Хотя, так говорила Юля, а Саша соглашался, но относился к этому спокойно, ему нравилась холостая независимая жизнь, в отличие от Юли, которая загадочно, как-то сказала по телефону, что у нее для него есть важная новость. Саша перебирал разные варианты, но почему-то крутился в голове сюжет старого фильма еще нулевых, где один вояка говорил другому: это залет, воин. Этого не очень-то хотелось, я ж молодой еще, не нагулялся.

«Ну, да ладно, не буду грузиться понапрасну», отгонял не эти тревожные мысли Доброходов. Неспешным шагом и солидно и степенно, как и должен выглядеть в глазах пассажиров сотрудник СТБ, он подошел к выходу с платформы возле прибытия восьмого вагона.

У выхода он остановился, чтобы поправить воротник форменной куртки. В воздухе витал легкий аромат озона от проезжающих поездов, смешанный с запахом влажного гранитного пола и чего-то неуловимо металлического. Он огляделся, привычно сканируя взглядом пространство. Сегодняшняя смена обещала быть такой же, как и сотни других: рутина, наблюдение за пассажирами. Но где-то в глубине души, под слоем спокойной уверенности, таилось

легкое предвкушение. Предвкушение вечера с друзьями, предвкушение той самой новости от Юли, которая, как он надеялся, не окажется тем самым "залетом".

У входа на станцию, на старой лавке, сидел Владимир Терехин, 52-летний пенсионер МВД, ныне сотрудник по проверке вагонов. Он ждал следующего поезда, а пока делился с коллегой, Саней, своими планами. Владимир мечтал открыть пекарню вместе с сыном и наконец-то уйти с нелюбимой работы, которая, по его словам, оставила ему "комочек нервов на животе".

- Привет будущему олигарху в сфере общепита! — широко улыбнулся Саня, подходя к лавке.

-Привет, привет, Сашок! — ответил Терехин.

— Вот скажи, ты когда-нибудь злым бываешь? Ну, недовольным? Представь, пошел бы ты не в метро, а в мир криминала. Глядя на тебя с таким жутким лицом, народ бы не только ссался от страха, но и срался!

Саня рассмеялся.

— Так это вообще было невозможно! У меня в фамилии добро, да и сам понимаешь, чем этот мир криминала заканчивается — нехорошими местами, где нет свободы, а я это не люблю. К тому же, мне туда нельзя: я слишком красивый!

Оба мужчины громко и весело рассмеялись.

— Ну, Саня, юморист, рассмешил! — давась от смеха, ответил Терехин.

— И что, будешь тут до самой пенсии? Ты себя в шестьдесят пять тут представляешь?

— Вполне представляю, может, тросточку почетную дадут, — улыбнулся Доброходов.

— Эх, Саня, открыл бы службу доставки! Фамилия у тебя говорящая – служба доставки Доброход – а что, звучит! А то всякие Яндекссы, Самокаты... И с твоим-то обаянием и мозгами все было бы четко, — с нотками сарказма сказал Терехин.

— Ну, а что, я подумаю, хотя мне и тут хорошо, — ответил Саня.

Гул прибывающего поезда заглушил последние слова Доброходова, который, прощаясь с Терехиным, отправился «совершать подвиги». Терехин, перекрикивая шум, крикнул ему вслед: «Давай, давай, что бы без метро делало бы?». «Погибло бы. Не я выбрал метро, оно выбрало меня», — вздохнул Саня, направляясь к двери в подсобное помещение.

За массивной стеклянной дверью, куда вел трехзначный код, находились контейнеры для мусора, взрывозащитный контейнер и пожарные принадлежности. Саша закрыл за собой дверь и двинулся к следующей, открываемой БСК. В этот момент его слух пронзил резкий вой сирен ПВО, а затем пол под ногами задрожал. «Да что ж за хрень такая!» — пронеслось в голове, но то, что последовало дальше, превзошло самые страшные кошмары.

Чудовищной силы ударная волна, горячий, упругий воздух ворвались на платформу через открытые двери выхода с платформы. Входные двери вырвало с корнем, они отлетели на пол и в сторону вагонов, разбивая стекла. Сашу отбросило на живот рядом со взрывозащитным контейнером, который, к счастью, остался на месте.

Остальные железные контейнеры с мусором, проломив ограждение, с утробным скрежетом рухнули на рельсы. Рация, жалобно пискнув, выпала из кармана, видеорегистратор «Дозор» от удара о пол разлетелся вдребезги. Ящик с пожарным рукавом сорвался со стены и больно ударил Сашу по левому плечу. «Слава Богу, хоть так, а не по голове, а то пипец был бы», — мелькнула мысль.

Саша лежал на полу, ощущая, как из ушей течет горячая жидкость. Неужели кровь? В голове стоял гул, словно в самолете, голова кружилась, стало невыносимо жарко, дышать было тяжело. Едкий черный дым от горящих вагонов, стендов и лавок стелился по подсобному помещению и платформе.

Сквозь пелену дыма Саша слышал звон бьющегося стекла – осколки окон, люминисцентных ламп, гранитных плит падали на платформу, разлетаясь, в стороны как шрапнель. Время

было вечернее, но вдруг стало темно, как ночью. Платформу освещал лишь огонь от горящего поезда, козырьков выходов и лавок.

Задышавшись и пошатываясь, Саша поднялся. Его мозг отказывался принимать то, что увидел глаза. Перед ним развернулась такая бездна ужаса, что казалось, будто сама реальность треснула, выпуская наружу нечто невообразимое. Каждый нерв кричал, каждая клеточка тела сжималась от отвращения и первобытного страха. Это было не просто страшно – это было неправильно, противно всему живому, и от этого становилось по-настоящему жутко.

Дверь в подсобку была вырвана с корнем, перегородив выход на платформу. Поезд, бывший со станции "Гражданский проспект", был искорежен ударной волной. Вагоны в середине состава опрокинулись, зацепив мостик маневровых машинистов между путями. Двери вагонов остались закрыты. На платформе стоял грохот, лязг металла, крики людей,

заживо горевших внутри. Девочка-маневровый машинист, застрявшая на мостике, отчаянно звала на помощь. Огонь пожирал остатки поезда, вырываясь из разбитых окон и дверей, освещая сцену разрушения зловещим, пульсирующим светом. Звуки были не менее ужасающими: стоны раненых, треск горящего металла, глухие удары падающих обломков.

Он видел, как из ближнего к нему вагона, где двери остались запертыми, вырывались клубы черного дыма, а сквозь разбитые окна виднелись силуэты людей, обреченных на мучительную смерть. Их крики, заглушенные общим хаосом, проникали в самое сердце, вызывая леденящий ужас. Девочка-машинист на мостике, ее отчаянные мольбы о помощи звучали как последний крик надежды в этом аду, была всего в нескольких метрах, но добраться до нее казалось невозможным.

Все вагоны прибывшего поезда полыхали. Саша чувствовал запах раскаленного металла, смешанный с горелой плотью. Люди, которые находились на платформе первого пути в панике бежали к выходам. На втором пути пассажирам повезло больше: поезд из депо "Комсомольская" застрял в тоннеле из-за отключения контактного рельса. Саша слышал, как люди там, в панике, сбивая друг друга, бежали к турникетам. На втором пути тоже горели лавки, козырьки, стенды. Страх и паника охватили платформу, повсюду слышались детские крики и плач. В голове мелькнула мысль о Володе, который остался у вагонов.

У выхода из вестибюля, там, где останавливается седьмой вагон, Саша увидел тело Терехина. Он лежал на спине, придавленный входной дверью. Рядом валялись сорванные камеры видеонаблюдения и указатель "посадки нет". "Теперь уж точно, никогда не будет", – подумал Саша. Живы или нет девочки из службы движения ему не было видно из-за дыма на платформе. Саша был в таком шоке от всего, что произошло буквально за считанные минуты, что поначалу даже не заметил, как его куртка на спине и рукавах, брюки на коленях, и даже кроссовки – всё это горело. Кожа на лице и голове невыносимо саднила от ожогов, плечо ныло тупой болью, а глаза слезились от жара и дыма, оставляя на щеках мокрые дорожки, но Саша не обращал на это внимания. Во рту пересохло, он судорожно пытался сглотнуть, но лишь поперхнулся и закашлялся надрывно. Он попробовал руками сбить пламя с куртки, но тщетно – ладони лишь покрылись копотью и волдырями от ожогов.

«Надо срочно валить отсюда», – промелькнула первая здравая мысль после пережитого ужаса, – «иначе тут и останусь, зажарюсь, как мясо в духовке». Он развернулся и быстро направился к двери с магнитным замком, ведущей в технологический сектор метрополитена. Дверь была обесточена и сразу открылась. Когда Саша потянул её на себя, нагретая ручка сильно обожгла ему руку. Он вошёл в тёмный коридор, который освещала лишь горящая изоляция на трубах. Саша знал, как выбраться: через пять метров нужно было повернуть налево, мимо кабельного коллектора 116 находился тамбур запасного выхода на третью платформу, который можно было открыть изнутри. Краска на двери коллектора горела, неровно освещая пространство перед тамбуром. В крошечном дыму Саше было легко ориентироваться, ведь он постоянно ходил здесь во время обходов станции. У кабель-коллектора он споткнулся о

лежащее на полу тело. Это была девушка-полицейская, она лежала на животе, уткнувшись головой в первую ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж технологического сектора. Возле её головы растекалась бурая лужица. «Её вроде зовут Алина», – подумал Саша. «Весёлая девушка. Была». Второго сотрудника полиции он не обнаружил: возможно, тот в это время курил на втором этаже. Сам не зная почему, Саша открыл кобуру полицейской и вытащил её табельный пистолет Макарова – к его удаче, пистолет не был пристёгнут страховочным ремешком. «Что я делаю? Зачем это мне?» – мелькали мысли. «Ну, а если кто-то другой заберёт», – успокоил он себя. Положив пистолет в боковой карман куртки и натянув рукав на руку, Доброходов быстро провернул верхний замок в два оборота и отвёл ригель нижнего замка в сторону, выйдя на платформу электропоездов железнодорожной станции Девяткино. Саша быстро пошёл в сторону пути, где в асфальте была ямка с небольшой лужицей, упал на асфальт, пытаясь сбить тлеющую одежду на спине, ногах и руках. Несмотря на жуткую боль от ожогов, он катался в грязной луже, зачерпнул воду и провёл по лицу и голове. Стало немного легче, жутко хотелось пить, но пить из лужи он не стал. Осмотревшись, он увидел, как на платформе железнодорожной станции «Девяткино» мечутся люди: часть пассажиров бежала в подуличный переход, другая часть прыгивала на пути и бежала в сторону Привокзальной площади. Саша поднялся на ноги, повернул голову в сторону домов Центрального Мурино, там, где были дома на Привокзальной площади. Здание Торгового центра было полностью разрушено, прилегающие к нему жилые дома всюду полыхали, с грохотом упала с крыши вывеска компании-застройщика с надписью «Мавис». Пепел от пожаров кружился в потоках воздуха, падая на голову, попадая в глаза и нос, мешая нормально дышать. Саша чувствовал во рту жуткую смесь гари и пепла. Когда он посмотрел в сторону Питера, где был район Цветного города он увидел на сером свинцовом небе чёрный, со всполохами огня гриб, который медленно поднимался вверх. Ножка гриба втягивала в себя пыль и дым, поднимаясь высоко в атмосферу, где формировалось огромное чёрное облако и ослепительно светило ещё одно солнце.

Такое он видел в кино, но никогда не мог себе представить, что увидит такое наяву. Глаза отозвались резкой вспышкой боли, он отвернулся, прикрыл их руками. В глазах плясали звёздочки, на зубах хрустел пепел и сажа, его сильно тошнило, хотелось просто упасть на землю и плакать. «Не сейчас», – выдал ему внутренний голос, – «Бежать, бежать!» Саша стал быстро мотать головой, пытаясь стряхнуть с себя оцепенение, но тело казалось чужим, непослушным. Каждый вдох обжигал легкие, каждый шаг отдавался пульсирующей болью. Он видел, как люди вокруг в панике пытаются спастись, но их крики тонули в реве пламени и грохоте рушащихся зданий этого жуткого крематория. Это был конец. Конец всему, что он знал, всему, во что верил.

Но где-то глубоко внутри, под слоем шока и боли, теплилась воля к жизни. Инстинкт самосохранения, древний, как мир, толкал его вперед. Он не мог просто сдаться. Не сейчас. Он должен был выбраться. Должен был понять, что произошло.

Саша заставил себя двинуться, ноги подкашивались, как будто асфальт под ними превратился в трясины. Он выбрал направление в сторону Лавриков – туда, где дома казались еще целыми, хотя и окутанными дымом, – подальше от этого ада на платформе. Пистолет в кармане оттягивал куртку, напоминая о своем присутствии тяжелым, чужеродным грузом. "Зачем я его взял? – снова кольнула мысль. – Чтобы защищаться? От кого? От этого?" Он оглянулся на гриб, который теперь казался еще больше, его ножка пульсировала, втягивая в себя все: обломки, крики, сам воздух. Ветер нес пепел и Саша инстинктивно прижал рукав к лицу, но это не помогало – кашель разрывал грудь, оставляя привкус крови на языке.

Вокруг него на железнодорожной платформе Девяткино бежали люди, но не толпой, а обрывками, разрозненными тенями в дыму. Кто-то тащил ребенка за руку, тот спотыкался и выл; женщина с сумкой, набитой чем-то бесполезным, – может, продуктами из магазина, –

хромала, оставляя за собой след из разбитых пакетов. Люди спотыкались, падали, их крики смешивались с кашлем и стонами.

Саша увидел, как мужчина в деловом костюме, весь в саже, прыгнул с платформы и побежал по путям, но через миг его сбила с ног упавшая балка от козырька – хруст костей утонул в общем реве. "Не смотреть, не думать", – твердил Саша себе, ускоряя шаг. Его плечо, где раньше ныло, теперь горело нестерпимо, словно раскаленное железо приложили к коже. Он чувствовал, как влага стекает по спине, но это была не вода, а пот, смешанный с кровью из обожженных ран. Каждый вдох был мукой, каждый выдох – облегчением, которое тут же сменялось новой волной боли.

Саша побежал. Он побежал по железнодорожной платформе, не разбирая дороги, спотыкаясь, падая, но снова поднимаясь. Люди, словно обезумевшие, толкались, метались по платформе. Саша, несмотря на свою слабость, сумел протиснуться, чувствуя, как его обжигают чужие руки, как его толкают, как кто-то кричит ему в спину. Он не обращал внимания. Он бежал от огня, от дыма, от ужаса, который охватил город. Бежал, потому что где-то там, за этим адом, возможно, еще оставалась надежда. Надежда на спасение, надежда на будущее.

Он не знал, куда бежит. Просто бежал, следуя за инстинктом. Бежал, пока ноги не подкосились окончательно. Он упал на землю, задыхаясь, чувствуя, как тело отказывается повиноваться. Но даже в этот момент, когда казалось, что силы окончательно покинули его, он не сдался. Он продолжал ползти, цепляясь за жизнь, как утопающий за соломинку.

В его голове хаотично проносились обрывки воспоминаний: смех друзей, образы любимой девушки и мамы. Все это теперь казалось таким далеким, таким нереальным. Но именно эти воспоминания давали ему силы. Силы бороться, силы выжить. Он не знал, сколько времени прошло. Часы, минуты, секунды – все слилось в один бесконечный кошмар.

Саша стал быстро моргать, но в глаза как-будто насыпали песка и жгучего перца. Зрение, к счастью пропало не полностью, он видел все как в тумане. Он дошел до края платформы, прыгнул вниз, достал из кармана свой двадцать второй айфон. Сети и интернета не было. Часы на смартфоне показывали время- 17-46. Айфон он купил недавно, на последние деньги, откладывая с зарплат. Ну, в общем-то для понтов, а теперь то он мне зачем, думал он.

Телефон в кармане теперь казался насмешкой. Двадцать второй айфон, купленный на последние деньги, теперь был просто бесполезным куском пластика. Но он не мог его выбросить. Это было что-то из прошлой жизни, что-то, что связывало его с миром, который, возможно, уже не существовал.

Он сжал его в кармане куртки, чувствуя холод металла. Его сознание отказывалось верить происходящему. Но Доброходов умел себя держать в руках. Он уже смирился с необратимостью событий, Скоро и дождик пойдет радиоактивный, кольнула тревожная мысль. Вспомнились к месту уроки ОБЖ в школе. Надо искать какое-то убежище и ждать там. О том, что будет дальше он старался не думать. Просто быстро уходить отсюда, а там дальше видно будет. Пошатываясь и преодолевая сильную боль в обожженных ногах и ушибленном плече он пошел по шпалам в сторону Лавриков.

Глава 2

Четвертое сентября 2030 г. 21.50 час. Соединенные Штаты Америки.

Округ Колумбия. Вашингтон. Белый Дом.

Президент Соединенных Штатов Америки Клайд Эшфорд сидел за столом в Овальном кабинете в скверном расположении духа. И причина была не только в лежащем на столе секретном отчете Геологической Службы США по Йеллоунстоунской кальдере за август 2030 г. Хотя и сам отчет произвел на президента мрачное до безнадежности впечатление. Эшфорд вздохнул, пододвинул к себе листы отчета, стал читать.

«Магматический очаг Йеллоустоуна находится всего на двенадцать с половиной футов ниже поверхности земли(3,8 км) и охватывает три штата США-Айдахо, Вайоминг, Монтану. Очаг с расплавленной и перегретой горной породой- риолитом и токсичными газами, такими как диоксид серы и сероводород. Размером от пятидесяти пяти на 30 миль до десяти миль под поверхностью Земли. Ниже находится еще более крупный магматический резервуар, состоящий из базальта с низким содержанием кремнезема и залегающий на глубине от девятнадцати до сорока пяти километров.

По итогам 2029 г. зарегистрировано 4800 землетрясений, в 2028 году их число составило 2700, что значительно превышает нижний порог типичной годовой сейсмической динамики(1500-2500 землетрясений в год) Динамика опускания вулкана 10 сантиметров в год, что является критичным элементом. Температура в гейзерных озерах вокруг кратера выше нормы, в жерле отмечается движение магмы. Также, животные покидают национальный заповедник. В отчете Эшфорд обратил внимание на то, что у Йеллоустоуна есть одна особенность- он не извергается, а взрывается. В случае взрыва семьдесят процентов территории США станет непригодной для жизни: ее засыпет слоем пепла, а в атмосферу попадут ядовитые газы.

Это изменит климат на все планете. Отдельным курсивом была напечатана строчка заглавными буквами: **УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ-КРАСНЫЙ**. Время наступления неблагоприятных событий-весна-лето 2031 года. Предотвращение извержения вулкана невозможно, после извержения, возможны аналогичные извержения супервулканов на всей планете.»

Мысли Эшфорда метались, словно загнанные звери. Он отложил отчет, но слова, напечатанные жирным шрифтом, продолжали пульсировать в его сознании: «**УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ – КРАСНЫЙ**». Красный. Цвет крови, цвет огня, цвет катастрофы. Весна-лето 2031 года. Всего несколько месяцев. Не год, не десятилетие, а считанные месяцы до того, как мир, каким он его знал, рухнет.

Он провел рукой по лицу, ощущая усталость, которая пронизывала его до костей. Президентство всегда было бременем, но это... это было нечто иное. Это было бремя, способное раздавить не только его, но и всю нацию, весь мир. Семьдесят процентов территории США станут непригодны для жизни. Это означало миллионы, десятки миллионов беженцев, голод, хаос, анархию.

И это только начало. Изменение климата на всей планете. Цепная реакция, которая могла спровоцировать извержения других супервулканов. Конец света, предсказанный в древних пророчествах, теперь казался не мифом, а вполне реальной, научно обоснованной угрозой.

Эшфорд закрыл глаза, пытаясь представить масштабы трагедии. Пепел, застилающий солнце, погружающий мир в вечную зиму. Токсичные газы, отравляющие воздух, воду, почву. Исчезновение растений, животных, а затем и человека. Он открыл глаза, и взгляд его упал на портрет Джорджа Вашингтона, висящий на стене. Основатель нации, который вел свой народ через войну за независимость. Что бы он сделал в такой ситуации? Была ли вообще какая-то надежда?

Предотвращение извержения невозможно. Эта фраза звучала как приговор. Всемогущая Америка, с ее технологиями, ее армией, ее интеллектом, оказалась бессильна перед лицом природы. Он, президент самой могущественной страны в мире, был всего лишь свидетелем надвигающейся катастрофы, неспособным остановить ее.

Внезапно в его голове вспыхнула мысль, от которой по спине пробежал холодок. Если предотвратить невозможно, то что тогда? Эвакуация? Куда?

Миллионы людей. Это не просто логистический кошмар, это практически невыполнимая задача. И даже если бы удалось эвакуировать часть населения, что ждало бы их в других странах? Мир, который сам будет бороться за выживание, столкнувшись с глобальными изменениями климата и нехваткой ресурсов.

Эшфорд встал, подошел к окну и посмотрел на ухоженный газон Белого дома. Солнце светило как обычно, птицы пели, жизнь шла своим чередом. Никто из этих людей, гуляющих по улицам Вашингтона, не подозревал, что над ними нависла такая угроза. Он был единственным, кто знал. И это знание было невыносимым бременем.

Он должен был действовать. Но как? Сказать правду? Это вызовет панику, хаос, коллапс общества еще до того, как вулкан взорвется. Скрыть? Но тогда он будет нести ответственность за гибель миллионов, не дав им даже шанса. Дилемма была чудовищной, и каждое решение казалось хуже предыдущего.

Он снова пробежался глазами по строкам, ища хоть какую-то лазейку, хоть малейшую неточность, которая могла бы дать ему повод усомниться. Но отчет был безупречен, составлен с холодной, безжалостной точностью. Геологическая служба США – это не группа паникеров, а авторитетная научная организация. Их выводы были основаны на многолетних наблюдениях, на данных, которые невозможно было оспорить.

«Магматический очаг Йеллоустоуна находится всего на двенадцать с половиной футов ниже поверхности земли...» – эта фраза звучала как эхо, повторяясь в его голове. Всего двенадцать с половиной футов. Это не глубоко, это почти на поверхности. Как тонкая кожа, отделяющая мир от бездны. И эта кожа истончалась с каждым днем.

«Динамика опускания вулкана 10 сантиметров в год, что является критичным элементом». Десять сантиметров. Это не так уж много, если смотреть на это в масштабах человеческой жизни. Но в масштабах геологических процессов это было стремительное движение, предвестник неминуемой катастрофы. Вулкан не просто дышал, он задыхался, готовясь выдохнуть свою смертоносную ярость.

«Температура в гейзерных озерах вокруг кратера выше нормы, в жерле отмечается движение магмы. Также, животные покидают национальный заповедник». Природа, всегда чуткая к изменениям, уже подавала сигналы. Животные, инстинктивно чувствующие опасность, бежали. А люди? Люди, ослепленные своей верой в прогресс и контроль, продолжали жить обычной жизнью, не подозревая о надвигающемся конце.

Эшфорд откинулся на спинку кресла, его взгляд остановился на карте мира, висящей на стене. Америка, такая огромная, такая могущественная, теперь казалась хрупкой и уязвимой. Семьдесят процентов территории непригодной для жизни. Это означало, что сердце страны – ее плодородные земли, ее промышленные центры, ее города – будет погребено под пеплом.

А что насчет остального мира? «Изменит климат на всей планете». Это не просто похолодание или потепление. Это глобальная катастрофа, которая затронет каждого человека на Земле. Голод, засухи, наводнения, новые болезни. Мир погрузится в хаос, где каждый будет бороться за выживание.

«После извержения, возможны аналогичные извержения супервулканов на всей планете». Эта строчка была последним гвоздем в крышку гроба. Цепная реакция. Один супервулкан, а за ним другие. Планета, которая сама себя уничтожает. Это был не просто конец Америки, это был конец цивилизации, конец человечества.

Эшфорд почувствовал, как его охватывает холодный ужас. Он был президентом, но что он мог сделать? Объявить чрезвычайное положение? Призвать к эвакуации? Но куда? И как объяснить людям, что их ждет? Как сохранить порядок, когда мир рушится?

Он представил себе заголовки газет: «Йеллоустоун взорвется: конец света близок». Паника, мародерство, насилие. Общество, которое он поклялся защищать, распадется на части. И все это произойдет еще до того, как первый столб пепла поднимется в небо.

Нет, он не мог допустить этого. Он должен был найти выход.

Эшфорд отодвинул отчет от себя. Вдруг невыносимо захотелось рвать на части эти жуткие листы, бросать все что попало бы под руку в кабинете. Рука непроизвольно схватила со стола фото его жены Эллен в рамке. Стекло рамки он давления его руки стало прогибаться и трещать. Холеные пальцы с маникюром побелели от напряжения. Лицо исказила гримаса гнева и оно покрылось красными пятнами. Рамка больно врезалась в ладонь. Это привело его в чувство.

"Не люблю кровь, еще порезаться не хватало" Он осторожно поставил фото жены на место. Клайд стал шумно выдыхать воздух через нос. Вспышка ярости стала понемногу уходить. На морщинистом лбу выступила испарина. Хотя в кабинете работали кондиционеры, президент чувствовал себя как будто он не читал отчет, а сидел в финской бане. Сердце выскакивало из груди, в голове шумело так, как будто он летел в салоне самолета. "Проклятая гипертония, надо таблетки принять, безрадостно подумал он".

Он шумно выдохнул, ослабил галстук на шее, снял пиджак, повесив на спинку стула. Дышать стало легче. Он достал таблетку и положил ее под язык, почувствовал ее противный кислый привкус. Мысли хаотично металась в его голове. Он президент великой державы и не имеет право показывать свою слабость. Это постоянное лицемерие перед собой сильно тяготило его. Нужно постоянно показывать уверенность и силу окружающим, свой сильный характер серьезного политика. Эта лицемерная маска за годы его политической карьеры приросла к нему намертво. Неожиданно вспомнилась русская поговорка которую ему постоянно говорил его лучший друг - Джон Кренстон. "Назвался груздем-полезай в кузов".

Кренстон, вообще, любил шутить русскими поговорками и пословицами, которые знал в огромном количестве. Хорошо хоть в кабинете никого не было. Рядом в соседнем кабинете находилась его секретарь-референт Барбара. Но, она ничего не слышала. Барбара человек проверенный, надежный, и как она подчеркивала, верный семейным ценностям, мужу и детям. Да, было дело. Пытался с ней флиртовать, но все обошлось и спасибо Барбаре за ее выдержку и терпение. Эшфорд обхватил лицо руками, стал массировать щеки и виски. Таблетка действовала, ему стало физически легче. Надо действовать. Это все эмоции, они только вредят делу.

Мысли о Барбаре мелькнули снова, но теперь они были окрашены не флиртом, а уважением. Она была примером того, как можно сочетать профессионализм и личные ценности. Она была надежной опорой, тихой гаванью в этом бурном море политики. Он ценил ее, и знал, что она никогда не предаст его доверия. Это было важно. В его мире, где лицемерие стало нормой, такие люди были на вес золота.

Клайд снова почувствовал, как сердце начинает биться быстрее, но на этот раз он не дал ему вырваться из груди. Он сосредоточился на дыхании, на таблетке под языком, на холодной решимости, которая начала зарождаться в его душе. Он не мог изменить прошлое, не мог избавиться от гипертонии или от бремени власти. Но он мог изменить свое отношение к ним. Он мог научиться управлять своими эмоциями, а не позволять им управлять собой.

Он снова посмотрел на фотографию Эллен. "Я справлюсь, дорогая", – прошептал он, и в его голосе не было ни тени сомнения. Он был президентом. И он должен был действовать. Не как человек, охваченный гневом, а как лидер, принимающий ответственные решения.

С директором Геологической службы Коллинзом проблем не будет. Сотрудник Агентства Национальной безопасности Джон Кренстон встретился с ним вчера и убедил, что данные отчета не должны попасть в прессу. Кренстон – пятидесяти шести летний поджарый шатен с внешностью мачо. В бытность его работы в ЦРУ его так и называли за глаза – Мачо.

Направлением работы Кренстона был СССР и Россия. Он прекрасно знал культуру и менталитет врага. Именно так он и говорил, что русские наши извечные враги, и чтобы их победить нужно влезть в их шкуру, думать и чувствовать как они. Джон прекрасно знал классическую русскую и советскую литературу, пересмотрел все лучшие русские фильмы, говорил на русском без акцента. Президент знал Джона еще со времен когда был конгрессменом в Сенате от республиканцев. Около 20 лет назад Джон был на слушаниях в Сенате. Там они и познакомились.

Кренстон говорил ему за стаканчиком виски, что Эшфорд очень перспективный политик. ЦРУ видит в нем будущего лидера страны, и загадочно сказал, что за ним также наблюдают из Бильдерберского клуба. Особенно его председатель Майкл Морган. Эшфорд слышал об этой неформальной организации, представлял себе что там за люди и чем они занимаются. Мнят себя тeneвым правительством мира, ну-ну, пусть так. Ему хватало проблем в Сенате, и этот клуб его не интересовал.

Клайд был отъявленным циником, все что не нужно было для его карьерного роста его просто не интересовало и просто удалялось как ненужный файл компьютера. Да и сам Морган ему по-человечески был неприятен: раздражала его постоянная высокомерная ухмылка на лице, отстраненность, жесткие пустые глаза. Кренстон как-то похвастался, что завербовал еще в девяностые одного перспективного российского политика. Он, говорил Кренстон, конченный сукин сын, но это наш конченный сукин сын. Джон говорил это по русски. Эшфорд русский не знал, но находил это язык забавным.

Он понимал, что Джон ему будет весьма полезен в плане карьеры. Можно сказать, что Джон был его единственным другом, тем кому он мог полностью доверять. Они дружили семьями как типичные американцы: ходили друг к другу в гости, отмечали дни рождения, готовили вместе барбекю.

Эшфорд, будучи человеком прагматичным, ценил в Кренстоне не столько его личные качества, сколько его полезность. Дружба, в его понимании, была лишь инструментом, а Кренстон – ценным активом. Он видел в нем не просто агента, а проводника в мир закулисных игр, где решения принимались далеко от глаз общественности. Слова Кренстона о Бильдербергском клубе, хоть и были сказаны вскользь, заронили в сознание Эшфорда зерно амбиций.

Он начал задумываться о том, как эти могущественные люди могли бы повлиять на его собственную карьеру, и как он сам мог бы использовать их влияние в своих целях.

Кренстон, в свою очередь, видел в Эшфорде не просто перспективного политика, а потенциального союзника, который, достигнув вершин власти, мог бы стать его надежным партнером. Он знал, что Эшфорд, подобно ему самому, не гнушался использовать любые средства для достижения своих целей. Их общая циничность и готовность идти на компромиссы создавали прочную основу для их взаимоотношений. Кренстон был уверен, что Эшфорд, оказавшись в кресле президента, не забудет тех, кто помог ему туда добраться.

Их встречи становились все более частыми и откровенными. За бокалом виски они обсуждали не только политические интриги, но и глобальные стратегии, направленные на укрепление американского влияния в мире. Кренстон делился с Эшфордом информацией о российских политических элитах, их слабостях и уязвимостях, а Эшфорд, в свою очередь, рассказывал о своих планах по реформированию американской экономики и укреплению позиций США на международной арене.

Эшфорд, слушая Кренстона, все чаще ловил себя на мысли, что тот действительно понимает русских. Его знание языка, культуры и менталитета противника было поразительным.

Эшфорд даже начал подумывать о том, чтобы самому выучить русский язык, чтобы лучше понимать своего друга и его аналитические способности. Он видел в этом не только возможность для личного развития, но и еще один инструмент для достижения своих карьерных целей.

Однажды Кренстон, с присущей ему прямоотой, сказал Эшфорду: "Знаешь, Клайд, ты – наш человек. Ты можешь стать тем, кто изменит ход истории. Но для этого тебе нужно быть готовым на все. Даже на то, что другие считают неприемлемым." Эшфорд лишь кивнул, понимая, что Кренстон говорит правду. Он действительно был готов на все. Ради власти, ради своего безмерного эго, ради того, чтобы доказать всем, что он – не просто очередной политик, а настоящий лидер, способный изменить мир. И он знал, что с Кренстоном рядом, он сможет достичь всего.

Когда Эшфорд, республиканец, одержал победу на президентских выборах, Джон уже пару лет как отошел от дел. Впрочем, "отошел от дел" – это громко сказано. Его репутация в сфере национальной безопасности и тайных операций была настолько безупречной, что он продолжал негласно консультировать ФБР, ЦРУ, частные компании и проводить тренинги для сотрудников различных американских спецслужб.

После инаугурации, телефонный звонок Джона застал новоизбранного президента врасплох. Поздравив Эшфорда с победой, Джон загадочно сообщил, что у него есть план, который изменит весь мир. "Мне только этого и не хватало для начала работы", – устало подумал президент, но ответил, что это здорово, ему интересно, и надо встретиться, чтобы обсудить все. Через два дня они встретились в Белом Доме.

Клайд был заинтригован необычным заявлением Джона, но никак не предполагал, что эта встреча круто изменит его пребывание на посту президента страны и перепишет мировую историю. Джон, Кренстон, был старше президента на три года. В свои шестьдесят пять он выглядел на сорок, не больше. Здоровый образ жизни, отсутствие вредных привычек и регулярные тренировки сохранили его мощную мускулатуру и прозвище "Мачо" из бурной молодости. В отличие от президента, который выглядел старше своих лет, любил сигары и крепкий алкоголь.

Разговор и та январская встреча с Кренстоном отчетливо всплыли в памяти президента, как будто это произошло вчера. Чтобы успокоиться он также раскурил сигару, откинулся на кресле и стал вспоминать ту встречу с Джоном.

Когда Кренстон зашел в кабинет, Эшфорд предложил ему есть на кресло, сам же по внутренней связи сообщил секретарше, чтобы она не беспокоила его в течение часа. Кренстон поудобнее устроился в кресле, шумно выдохнул, улыбка исчезла с его лица.

-В общем, Клайд, дело серьезное, часа может нам и не хватить. Ладно, не буду тянуть, хотя подозреваю, что то, что я тебе сообщу тебе не очень понравится, – сказал он, глядя прямо в глаза президенту.

Эшфорд молчал, взял сигару, отрезал кончик, медленно и с удовольствием раскурил, пододвинул к себе пепельницу и просто кивнул, приглашая Джона говорить.

-Ты знаешь, Клайд, что с общаюсь с членами Бильбербергского клуба, в основном с Майклом Морганом. начал издавна Кренстон. Я знаю, что как ты к ним относишься. Кстати, это он через меня передал тебе приличную сумму денег для операции твоей жены Эллен. Это было лет двадцать назад. Я тебе не стал об этом говорить, меня так попросил Морган. Клайд, это серьезные люди, они везде: в военно-промышленном комплексе, в Сенате, правительстве, в крупном бизнесе.

- Ну, это так, для общего понимания. Теперь самое главное. Когда я еще был сотрудником ЦРУ еще в 90 годы я общался с Морганом. Он, несмотря на кажущуюся высокомерность и снобизм, является интересным собеседником и всесторонне образованным человеком. Майкл Морган в одной из наших бесед, сообщил, что у него есть необычный план, связанный с боль-

шим риском, но при успешном проведении которого, в выигрыше окажутся и члены Бильдербергского клуба и представитель государственного аппарата США. Он назвал свой план как-то вычурно-«Немыслимое». Ты, знаешь, был такой план в истории-Операция "Немыслимое" Это план Черчилля, направленный против Советского Союза. Это история и он был нереален. Морган мне сообщил, что его план существует только в его голове. Из соображений безопасности. Суть плана-физическое устранение главы России и установление подконтрольной нам власти.

-Кому это нам?- не удержался Эшфорд и перебил Кренстона.

- Джон, по нашей доктрине Монро, мы вмешивались в дела разных государств в Латинской Америке, даже была специальная операция по похищению президента в Венесуэле, но ликвидация президента России? Что за бред? -воскликнул Эшфорд.

Ты предлагаешь мне стать соучастником убийства главы другого государства? Это безумие, Джон! Это перечеркнет все, что мы строили десятилетиями. Это вызовет такую войну, которую мир еще не видел.

Эшфорд резко поднялся, его пепел от сигары упала на ковер, но он не обратил на это внимания. Лицо президента побагровело, глаза метали молнии. Он подошел к окну, сжал кулаки, глядя на раскинувшийся за ним Вашингтон. Мысли метались в голове, как загнанные звери. Убийство главы России? Это не просто безумие, это самоубийство для всей американской внешней политики, для репутации страны, для его собственного президентства. Это означало бы немедленную эскалацию, возможно, мировую войну.

В нем закипало раздражение и гнев на Джона. Разочарование от потраченного впустую времени из-за никчемной болтовни. Ведь, у него как президента сверхдержавы полно разных нерешенных внешнеполитических проблем. С той же Россией, Китаем, Евросоюзом. Новый президент России Торопчин не вызывал у него положительных эмоций, и был весьма трудным политическим противником, но, чтобы его вот так -физически ликвидировать? Это уже слишком. Он недовольно выпустил струю сигарного дыма, практически в лицо Кренстона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.